Василий Игнатьев (2)

«Уж вы ой еси, да дети малыя,
Малыя деточки, да глупыя!
Уж вы где были-поóбыли?» —
«Уж мы были, наша матушка, во Шахове,
Уж были, матушка, ныньце во Ляхове,
Стольней Киев-град поперёк прошли.
Видели, матушка, не чудо ли,
Не чудо ли видели, не диво ли:
Как серёдка ночи-ноченьки темноей,
Как серёдка той ночи осенноей,
Тёмноей ночки осенноей,
Отворились ворота стольне-киевьские,
Выходила из ворот красна девушка
В одной-де рубашечке без поеса,
Как в одних башмачках без чулочиньков,
Как несла она в руках божью́ книгу́,
Уж божью́ книгу Ивангелье.
Шла она по синю́ морю,
Брела она по полуколено,
Еще́ того поглубже — до поеса,
Еще́ того поглубже — до белы́х груде́й.
Прикатилса к ней сер горю́ч камень.
Клала нынце она божью книгу
На тот нынче-ка на сер-горюч ка́мень,
Стала читать да сле́зно плакати,
Кабы безумна-то матушка — с ума сошла,
А умна-то матушка — расплакалась».
Говорила им ныньце родна матушка:
«Уж вы ой еси, да дети малыя!
Малыя детушки, глупыя,
Вы не красну ныньце девушку видели,
А видели матерь Богородицю.
Учула она, матушка, невзгонушку:
Подня́лся Егор да ныньце Ско́рляк-царь
Со Киршенком, с зятелком с любимыим,

Со Коньщиком, с товаришшэм с любимыим.
А у их, у собак, да силы множество:
Попере́ди собак да сорок тысечей,
По лево́й-то руки да сорок тысечей,
По право́й руки да сорок тысечей,
А позади-то собак числа-сметы нет».
Говорил ны́нче-ка как Скурлак-царь:
«Уж вы ой нынче, мои дружья-приятели!
Кто же бывал на светой Руси,
Ище кто говаривал по-русьскому,
И кто толмачил по-немецькому?»
Тут выходит тотарище старое,
Старо татарище, седатое.
Говорил ему ны́нче Скурлак-царь:
«Вот бери-тко ерлык, да скорограмотку,
Вот неси-тко ерлык да в стольне Киев-град,
Ко тому ли ко солнышку Владимиру».
Он берёт-де ерлык, да скорограмотку,
И несёт ерлык в стольне Киев-град
Ко тому ко солнышку Владимиру.
Не спрашивал у ворот приворотничков,
У дверей нынче придверничков,
Берёт он двери за́ скобу,
Отворяет он двери на́ пету,
Ихниим богам он Богу не молитця,
Челом не бьёт и головы не гнёт,
Кладёт ерлык-скорограмотку
На свой скорописчат стол;
Оттуль тотарищо поворот даёт.
Берёт ерлык-скорограмотку
Солнышко Владимир-князь,
Берёт ерлык он, распечатыват,
Читал ерлык и запечалился.
О ту пору, о то времечко
Подошла к ему свет Апраксея,
Говорит солнышку Владимиру:
«Што ты сидишь не по-ста́рому,
Што гледишь не по-прежнему,
Повеся держи́шь да бу́йну голову,

Потупя держи́шь очи ясные,
По́ белу лицю слёзы катятця?»
Говорил ныне солнышко Владимир-князь:
«Уж как мне нынче не печалитьце,
И как мне нынче не кручинитьця?
Подступил к нашему городу ко Киеву
Тот де Скурлак-царь Смородович
Со Киршенком, с зятелком с любимыим,
Со Коньщиком, племянником товаришшэм.
У их, у собак, силы множество:
Попере́ди собак да сорок тысечей,
По лево́й руки да сорок тысечей,
По право́й руки да сорок тысечей,
Позади-то собак числа-сметы нет».
Говорил солнышко Владимир-князь:
«Ой мои служаночки верныя,
Несите мне платьичке че́рное,
Че́рное платьичке пешеходное».
На то служаночки были послушливы,
Несли ему платьичке че́рное,
Че́рное платьичке пешеходное.
Надевал нынче как платьичке че́рное,
Че́рное платьичке пешеходное,
Пошел вдоль по городу по Киеву.
Идет навстречу поцца-подсушина, шатаетця.
Говорил ему солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой, поцца-подсушина!
Где же ты нынче был, чего же чул?
Нету ли в городе наеждего,
Нету ли в Киеве напольнего?»
Говорит нынче поцца-подсушина:
«Не с нами вы нынче думу думаете,
Не с нами вы толки то́лцете —
Думаете с татарами, с боярами,
Ищо всё с людьми со боґатыма».
Опять солнышко вперед идет
Вдоль по городу по Киеву,
Опять стретилась поцца-подсушина,
Идёт шатаетця, с боку на бок валяетця.

Говорит солнышко Владимир-князь:
«Ой же ты, подса-подсушина!
Где же ты нынче был, чего же чул?
Нету ли в городе наеждего,
Нету ли в Киеве напольнего?» —
«Был я нынче во чере́вом большо́м ка́баке,
Пили мы тут, гуляли трое суточки
Со тим со Васенькой Игнатьевичем,
Пропили его всю золоту казну,
Пропили его платье чве́тное,
Пропили его сбрую богатырьскую.
Забился Васенька Игнатьевич
На печку, на муравленку,
Нечем Васеньке оправитьця».
Пошел тут солнышко прямо во чере́в кабак,
Говорил чумачкам, да человальничкам:
«Уж вы ой, чумачки, да человальнички!
Наливайте-ка ца́рю зелена́ вина́,
Не велику, не малу — полтора ведра,
Всё со водочкой да со наливочкой,
Всё со крепкими со напитками,
Поднесите-ко на печку, на муравленку
Ко тому-де ко Ваське Игнатьевичу».
Принимает-де Васька единой рукой
И пьёт эту цяру за еди́ный дух,
Тут за цярой-то Васенька выговаривает:
«Окатило у Васьки ретиво́ серцё,
А не звесели́ло у Васьки буйну голову».
Говорил тут солнышко Владимир-князь:
«Уж вы ой, чумачки, да человальнички!
Наливайте-ко цярю зелена́ вина,
Всё со водочкой да со наливочкой,
Всё со крепкими со напитками,
Отнесите ко Васеньке Игнатьевичу».
На то чумачки были послушливы,
Наливали цяру зелена́ вина́,
Не много, не мало — полтора́ ведра,
Всё со водочкой, со наливочкой,
Всё со крепкими со напитками,

Подносили-де ко Васеньке Игнатьевичу.
Принимает-де Васенька едино́й рукой,
Пьёт эту цяру за еди́ный дух,
За цярой-то Васька выговаривает:
«Окатило у Васьки ретиво́ серцё,
И звеселило у Васьки буйну го́лову».
Стал Васенька по́ полу похаживать.
Говорил солнышко Владимир-князь:
«Уж вы ой, чумачки, да человальнички!
Отдайте вы Ваське платье чве́тное,
Отдайте Васеньке сбрую богатырьскую».
На то чумачки были послушливы,
Отдавали-де Ваське платье чве́тное
И отдавали сбрую богатырьскую.
Пошли солнышко с Васенькой вон на уличю,
И стал ему тут солнышко рассказывать:
«Уж ты ой еси, Васенька Игнатьевич!
Подступил-то к нашему городу ко Киеву
Тот нынче-ка вор Скурлак-царь
Со Киршенком, с зятелком с любимыим,
Со Коньщичком, с племянником товаришшэм.
А у их, у собак, силы множество:
Попере́ди собак да сорок тысечей,
По лево́й руки да сорок тысечей,
По право́й руки да сорок тысечей,
Позади то собак числа-сметы нет».
Тут вымал Васенька Игнатьевич
Из своего кармана свой ту́гой лук,
Ту́гой лук да калену́ стрелу́,
И стал он свой ту́гой лук натягивать
И калену́ стрелу стал накладывать,
Сам стрелы́ стал приговаривать:
«Уж ты ой еси, моя стрела́ калёная!
Калёная стрела, перёная!
Полети-ко повыше лесу дремучего,
Пониже облачка ходячего,
Залети ко Скурлаку во черной шатёр,
Убей его родимого зятелка!»
Полетела стрелочка калёная

Повыше леса тёмного,
Пониже облачка ходячего,
Убила его любимого зятелка.
Тут писал Скурлак-царь Смородович,
Он писал ерлык-скорограмотку,
Отсылал он в стольне Киев-град
Ко тому солнышку Владимиру:
«Кто у вас убил любимого зятелка
Без всякого бою, без кроволития,
Отдайте мне того виноватого».
Тут они стали думу думати
С татарами, с боярами,
С людьми да со боґатыма:
«Коґо мы пошлём виноватыим?
Послать нынче нам Васеньку Игнатьевича,
Он эту грезу́ нагре́зил, пускай отгрезыват».
Послали Васеньку Игнатьевича.
Идёт Васенька из городу и одумался,
Опеть Васенька воротитьце,
Ещé у ворот и колотитьце:
«Ещé я вам, Васенька, понадоблюсь».
На то Васеньке ответу нет.
Опеть Васенька вперёд идёт,
Опеть Васенька одумалсэ,
И опеть Васенька нынче воротитце,
И опеть у ворот колотитьце:
«Ещé я вам, Васенька, понадоблюсь».
Они на то ему ответвуют:
«Нам больше Васеньки не надобно».
Тут пошел Васенька во чисто́ полё,
Скликал своего коня доброго,
Поехал он ко черну́ шатру́,
Заехал он в силу-рать великую.
Наступила на его сила-рать великая,
И тут он бил-рубил эту силу челы суточки:
Много силушки повырубил,
Остальня сила на убег ушла.
И поехал Васенька в стольне Киев-град.
(Ещо он не сердится!)

Наеждяет он ко городу ко Киеву,
Перескакиват он эту ограду высокую,
Тут все ныне его стречают,
Солнышко Владимир-князь и все вельможи,
Встречает его тут и молодая дочь
(вот не помню имени: бат, Милитриса Кирбитьевна)
У того у места у высокого,
Заводит его во гриню во столовую.
Тут и стали они пировать-столовать.
И говорит нынче солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Васенька Иґнатьевич!
И чего же от меня тебе, Васеньке, надобно
За такую ослугу за великую?
Надо тебе терем высокые —
Поставим тебе терем против дворца».
Он говорит: «Не надо мне терема высокия».
Он говорит: «А если тебе надобно женитися,
Дам тебе невесту, каку надобно».
Васенька говорит: «Не надо мне красну девичю,
Не хочу я поженитися». —
«А чего же тебе нынче надобно?
Или надо тебе золотой казны?»
А он говорит: «Не надо мне золота́ казна́».
Говорит нынче Васенька Иґнатьевич:
«Дай ты мне тако нынче дозволеньичко —
Ходить пить зелена́ вина
По твоим чере́вам — большим ка́бакам
Безденежно до моей смерточки».
И тут пошли пьянюшки с Васенькой Иґнатьевичем,
Тут пили-гуляли трое суточек.
Я тут же был, мёд-пиво пил, да дома остался.
(Тут всё, больше ничего нет.)

(Зап. Астаховой А. М.: 3 июля 1929 г., д. Коровий Ручей Усть-Цилемского р-на — от Носова Игнатия Дмитриевича, 62 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.